

Анна Морева (Мария Викторовна Михайлова) (79 лет) – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор более 500 статей о литературе и кино. Публикует архивные материалы, содействует выпуску книг «забытых» и незамеченных авторов с комментариями и предисловиями (более 40 изданий).

ПОТЕРЯННАЯ КОРЗИНКА

Она возвращалась домой, в Россию, после почти 10-летнего пребывания за границей. Ни на минуту не расставалась с большой плетеной корзинкой, где хранила свои рукописи. Так и носилась с нею как с писаной торбой всю дорогу от Парижа до Нижнего Новгорода, где ей, все еще находящейся под надзором полиции, разрешили проживать...

Высланная в Европу за участие в революционной деятельности, она не успела побывать во многих странах и городах. Но больше всего любила Париж. Сейчас, сидя в вагоне, она перебирала прошлое. Монмартр, мансарды, друзья-художники. Она им позировала и так зарабатывала на хлеб. Легкие, ни к чему не обязывающие связи, абсент, табак, ночные разговоры об искусстве...

Анечка внимательно прислушивалась к спорам. «Что сейчас модно? Куда движется живопись? Как следует передавать воздух?» Она впитывала, запоминала услышанное, пробовала это передать в словах. Да, надо учиться передавать мимолетное, ускользающее, переливы света и тени. В рождающихся

под ее пером картинках, зарисовках, сценках жили, влюблялись и умирали от любви те жалкие натурщицы, которыми пользовались, пока создавалась картина, а потом выбрасывали за ненадобностью на улицу. И они становились уличными девками, что произошло как-то и с ней: один из любовников продал Анечку в публичный дом в Гавре, где ей пришлось обслуживать пьяных матросов... Но она сумела оттуда сбежать и, побираясь, добрела до Парижа... И вот листки со всем ею запомнившимся и запечатленным теперь уже 30-летняя Анна Григорьевна везла в Россию.

Она не ошиблась. Рассказы, подписанные звучной французской фамилией Ронэ, понравились. И вот уже люди стали спрашивать друг друга: «Кто это? Мужчина или женщина? Откуда такое знание жизни?»

Анне действительно удалось пробиться на литературный Олимп, завязать знакомства в петербургских литературных кругах. Она посещала даже знаменитые ивановские «среды», но стояла обычно в сторонке, редко вмешиваясь в бурные разго-

воры. И никто, кроме самых близких друзей, не знал, чего стоило ей попасть в ряды небожителей, заслужить своей первой книгой «Навстречу жизни» похвалы Брюсова и Блока! Ведь когда она оказалась в Нижнем, ей, чтобы не умереть с голоду, пришлось почти каждый день писать новый рассказ и приносить его в местную газету. А для этого, купив огурцы, селедку и водку (она уже не могла обходиться без этой подпитки), просиживать над листом бумаги всю ночь. Тогда и превратилась Анна Григорьевна Миронова А. Ронэ.

Такая жизнь не могла не отразиться на ее внешности: лицо выцвело, появились морщины. Но, как и прежде, молодо светились голубые глаза: в них жила мечта, о которой она рассказывала каждому встречному и которая так не вязалась с ее обликом. Мечта, похожая на бред: встретить Великую Любовь. Его! О такой Великой Любви она и писала теперь. Не сценки и зарисовки владели отныне ее воображением. Нет, она грезила о невероятной близости, которая обещает неземное блаженство, о роковых страстях, о влечении, которое затмевает рассудок. Это было столь откровенно, что окружающие начали поговаривать, что Ронэ серьезно больна, что она свихнулась на любовной почве. И хотя в начале XX века свобода отношений уже определяла атмосферу, хотя раскованность становилась нормой, даже

на этом фоне почти непристойным выглядели ее писания.

Счастье поманило ее благодаря случайности. Ее знакомая вычитала в брачной газете, что агроном из Перми ищет жену, хочет уехать с нею в глушь и там работать. Она показала объявление подруге: «Смотри! Это тот, кого ты ищешь! Будете вдвоем. Вечно! И никого кругом!»

Анна не сомневалась ни минуты. Написала письмо, приложила к нему карточку, на которой была запечатлена молодой и хорошенькой. И агроном откликнулся, прислал денег на переезд. Дорога от Петербурга до Предуралья неблизкая. Она вышла на перрон неприбранная, непричесанная, и жених ее не узнал. Ей пришлось несколько раз пройти мимо. Наконец решилась: «Я Анна, та самая, которая...» «А... Ну что ж, поедем. Повозка ждет...»

Для Анны Григорьевны началась совсем неведомая жизнь в селе Опалиха Оханского уезда. Величественная Кама, горные хребты, разговоры с крестьянами. Весной — посадки в огороде, вечером разговоры... Все, о чем она мечтала, осуществилось: тишина, покой, не одинока. Но муж оказался молчуном, совершенно не разделяющий восторгов жены по любому поводу. А самое главное — его явно раздражало ее желание бесконечно беседовать о любви. «Какой она должна быть? Что значит родство душ? Может ли длиться вечно?» Вот вопросы, которые она задавала ему, а он никогда об этом и не заду-

мывался. Разговора не получалось. И Анна замолкала...

Наконец последовало бурное объяснение. Истерика, взрыв, обвинения в нечуткости и непонимании. Агроном наконец-то понял, кто рядом с ним. А услышав: «Я так больше не могу! Уеду!», — выкрикнул: «Ска-тертью дорога!»

Анна в беспамятстве собралась и через несколько дней очутилась в Петербурге. Но теперь ее почти никто не узнавал. С черным лицом, блуждающим горячечным взглядом она не находила себе места. Запестрели в ее паспорте штампы городов. Едва она успевала поселиться, как уже вновь собиралась в дорогу. Ее преследовали видения, мучилась виною... Но при этом не переставала писать. Только теперь писала о крестьянах-пасечниках, обнищавших господах, затерянных деревнях. Что-то бунинское угадывалось в ее рассказах. Но Бунин писал об этом лучше, тоньше, проникновеннее. Это была его почва, его опыт, его переживания. А то, что публиковала Ронэ, оказывалось добротным повторением пройденного. Так что и здесь Анну Григорьевну поджидал крах... Но она о нем не узнала.

...Как-то упала на улице в Москве в обморок неизвестная женщина. При ней не оказалось никаких документов, и ее отвезли в Старо-Екатерининскую больницу для бедняков. Там она в полубреду декламировала стихи, танцевала, чем очень веселила окружающих. Вскоре

умерла. Пять дней тело неопознанным пролежало в мертвецкой. Похоронили в общей могиле на одном из московских кладбищ. О смерти Анны Григорьевны — а это была она — друзья-литераторы узнали только 6 месяцев спустя. Заказали молебен, организовали вечер памяти. И тут спохватились: «А где же корзинка, с которой она не расставалась? Там же должны быть ее рукописи?» Хозяйка, у которой она остановилась, только мотала головой: «Не знаю, не видела. Она мне и не заплатила...» Похоже, что корзинка была выкинута как ненужный хлам...

